

17. Сахно С. Л. Приблизительное именование в естественном языке // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 29–36.
18. Dokulil M. Tvoreni slov v ceštine. I. Teorie odvozování slov. Praha: CAV, 1962. 263 s.

Статья поступила в редакцию 24.09.2010 г.

УДК 81'23:39 + 81'272 + 316.74:81

Н. И. Курганова

ОБЫДЕННОЕ ЗНАНИЕ РОССИЯН И ФРАНЦУЗОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ

В статье обсуждается роль и статус обыденного знания с точки зрения этнопсихолингвистики, выделяются основные факторы формирования этнокультурной специфики обыденного знания, разрабатывается модель концептосферы повседневности. На основе сравнительных ассоциативных экспериментов, проведенных в России и Франции, предлагается методика реконструкции структурных и процессуальных характеристик обыденного знания.

Ключевые слова: обыденное знание, этнокультурная специфика знания, концептосфера повседневности, компаративный подход.

За последние десятилетия обыденное знание стало объектом пристального изучения ряда гуманитарных наук: социологии, философии, культурной антропологии и т. д. Ученые-социологи видят причину данной тенденции в усложнении общественной жизни, в нарастании темпов социальных процессов [3, 6], что требует осмысления и изучения того, что происходит в окружающем мире.

Интерес к обыденному познанию обусловлен также той большой ролью, которую играет обыденное знание в жизнедеятельности людей, ведь в своей практической жизни человек, как правило, опирается на «наивную» картину мира, т. е. на тот комплекс знаний, представлений, который складывается в процессе повседневного взаимодействия с миром. Именно поэтому исследователи стремятся изучить «ту реальность, в которую постоянно погружен человек и которая ощущается как естественное состояние» [8, 142–143].

В лингвистике актуализация исследовательского интереса к сфере обыденного познания обусловлена сменой парадигм в изучении языка, благодаря чему наметилось стремление к изучению языковых явлений в тесной взаимосвязи с реальной жизнью людей, с учетом их повседневного общения. В этой связи закономерным является обращение лингвистов к тому «живому знанию» носителей языка, которое вырабатывается лингвокультурным сообществом в процессе об-

КУРГАНОВА Нина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Мурманского государственного педагогического университета (E-mail: nkurganova@gmail.com).

щения и коллективной деятельности и которое репрезентировано с помощью слова. Это своего рода «осевшее» знание (термин П. Бергера и Т. Лукмана), которое является достоянием концептуальной системы носителей языка и отличается intersubъективным характером (см. подр.: [17]).

Сфера обыденного знания в наибольшей степени обусловлена эмпирическим опытом, особенностями той среды, в которой осуществляется социализация и инкультурация личности. В таком случае обыденное знание наиболее «антропоцентрично», поскольку повседневность является естественной средой для человека: это актуальное «здесь» и «сейчас» *бытия человека*. Следовательно, в обыденном знании будет представлен и культурно-специфический опыт взаимодействия со средой: особые правила и нормы, ценностные установки и ориентации, которые выполняют роль повседневных ориентиров в предметной и социальной деятельности людей [26, 407]. В силу отмеченных особенностей обыденное знание представляет особый интерес для этнопсихолингвистики как науки, исследующей «национально-культурную вариантность когнитивной и коммуникативной деятельности» у носителей различных языков и культур [23, 12–13].

Обращение к проблеме национально-культурной вариативности знания предполагает проведение сравнительных исследований фрагментов знаний, выработанных в процессе взаимодействия с миром носителями разных языков и культур и репрезентированных с помощью слова. Как известно, любое знание может быть представлено как с точки зрения *содержательных (структурных) аспектов*, так и с точки зрения *тех процессов и механизмов*, которые лежат за словом. Думается, что для этнопсихолингвистических исследований важно учитывать оба аспекта – структурный и процессуальный в силу слитности процессов и результатов познания мира (см., напр.: [9, 72; 24, 43]).

Исследование этнокультурной специфики фрагментов обыденного знания может осуществляться только на базе *интегративного подхода* с обязательным учетом психологических, социально-культурных и лингвистических факторов, ибо, только опираясь на целый комплекс факторов, можно постичь специфику смыслообразовательных процессов. Следовательно, обсуждение проблемы вариативности национально-культурного знания и познания предполагает выход на уровень междисциплинарных исследований, что ставит задачу разработки интегративных теорий и методов исследования.

Обыденное знание отличается *деятельностным* характером, поскольку, во-первых, оно само является результатом деятельности по освоению повседневной культуры и осмыслению своего опыта взаимодействия с миром, т. е. любое знание есть результат работы сознания. Во-вторых, обыденное знание должно способствовать эффективной жизнедеятельности группы людей в определенной природной и социокультурной среде; оно призвано обеспечивать успешную адаптацию членов сообщества к условиям конкретной окружающей среды. Следовательно, оно выполняет «ориентирующую» функцию, поскольку определенным образом направляет человека и сообщество в целом в их деятельности и взаимодействии. В таком случае специфика деятельности, понимаемая в самом

широком смысле, включая и деятельность общения, которая складывается в рамках того или иного сообщества, будет оказывать свое влияние на результаты познания (см. подр.: [18]).

Обыденное знание вырабатывается коллективом людей в конкретных исторических, географических, социальных условиях, следовательно, содержание и структура знания не могут быть независимыми от конкретной *среды* и способа их взаимодействия. Под средой мы понимаем совокупность природных и социокультурных характеристик, в которых разворачивается процесс познания и коммуникации. Нам представляется, что особую роль в формировании этнокультурной специфики на уровне обыденного сознания будет играть *социокультурная среда*, где главным компонентом выступает культура как система накопленных знаний, схем, моделей и норм речевого общения, формируемая в результате взаимодействия в конкретной среде. В этой связи стоит вспомнить, что еще У. Найссер призывал принимать в расчет то, «как люди действуют в реальном мире, как они взаимодействуют с ним» и критиковал ученых за безразличие к вопросам культуры [22, 28–29]. Рекомендации У. Найссера сводились к следующему: необходимо «уделить больше внимания деталям того реального мира, в котором обитают воспринимающие и мыслящие индивиды, а также тонкой структуре информации, предоставляемой им этим миром» [22, 30]. Роль и влияние культуры на сознание человека находились в центре внимания Л. С. Выготского, который сформулировал принцип *культурно-исторической детерминации* сознания человека [6].

Важной особенностью обыденного знания как социально-культурного феномена является «не столько его соответствие действительности, сколько тот факт, в какой мере данная форма знания согласуется с общими ценностно-смысловыми стандартами культуры» [2, 178]. О решающем влиянии ценностных ориентаций культуры на формирование культурных представлений говорит С. В. Лурье: «Система культурных констант и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир», ведь именно на ее основе формируются адаптационно-деятельностные модели человеческого поведения [20, 587]. Следовательно, различия в системе ценностных детерминант – важный фактор этнокультурной специфики знания.

Факт присвоения обыденного знания с помощью психологических процессов восприятия речи дает основание полагать, что любое знание – это не только феномен культуры, но и результат когнитивной деятельности субъектов познания. Это знание обладает психологической реальностью, оно формируется по законам когнитивно-психической и аффективной деятельности человека [9, 51], что требует учета направленности познавательных интенций субъекта, его мотивов и оценок.

В человеческом обществе взаимодействие с миром осуществляется как *языковое* взаимодействие. «Человек, живущий в мире, не просто снабжен языком как некой оснасткой – но на языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть *мир*. Однако это тут-бытие мира есть бытие языковое» [7, 512].

В условиях, когда *языковая среда* становится неотъемлемой частью нашего существования, равно как и фрагментом окружающей среды, в которой мы сохраняем идентичность и адаптацию» [21, 206–207], язык принимает самое непосредственное участие в формировании нашего знания. Но какова его реальная роль?

По этому вопросу среди лингвистов, психологов, когнитологов и антропологов пока нет полного единства взглядов (ср.: [1; 4; 5; 25]). Язык выступает как важнейший когнитивный инструмент и как единственное средство репрезентации ментальных структур [14]. С помощью языка осуществляется конструирование мира [5], языки упорядочивают предметы и явления, в силу чего они «функционируют как хранилища понятий или как классификационные принципы» [1, 122]. Для Э. Сепира язык – это «скорее заранее приготовленный путь или шаблон» для реализации мысли [25, 36]. Все это свидетельствует о том, что одной из актуальных задач ряда лингвистики и ряда смежных наук является уточнение роли языка как *одного из средств* формирования знания и доступа к нему [11; 13].

Одной из актуальных проблем в этнопсихолингвистике является построение *моделей репрезентации* знания. Повседневность, по мысли С. Б. Кожевникова, «имплицитно обладает смысловыми структурами, схемами регламентации, системами оценок и предпочтений», что позволяет рассматривать ее как организованную реальность, доступную теоретическому описанию [12, 37–38]. Учитывая структурирующую и классифицирующую роль языка в познании мира, обыденное знание можно представить в виде определенных фрагментов или единиц знаний – концептов. Концепты позволяют хранить знания о мире, они сводят все разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику, способствуя обработке субъективного опыта через подведение информации под определенные выработанные обществом категории и классы [14, 90].

Обыденное знание как результат коллективной деятельности лингвокультурного сообщества представляет собой определенным образом *структурированную совокупность*. Прежде всего в этой совокупности можно выделить *ядро* и *периферию*, что обусловлено иерархическим и неоднородным характером культуры. Кроме того, благодаря структурирующей и классифицирующей функции языка это знание семантически структурировано. В таком случае обыденное знание, репрезентированное словом, может быть представлено в виде совокупности базовых концептов – *концептосферы повседневности*, в которой зафиксирован опыт повседневного взаимодействия лингвокультурного сообщества с окружающим миром. Концептосфера повседневности включает все то знание, которое необходимо индивиду для успешной жизнедеятельности в определенной культуре и, на наш взгляд, она будет входить в ядро национальной концептосферы, которая отражает содержание национальной культуры [27, 9].

Первым шагом на пути к исследованию обыденного знания через призму концептов будет моделирование концептосферы повседневности, т. е. выделение определенной совокупности *базовых концептов*, которые и будут представлять наиболее существенные и отличительные черты повседневной культуры, выработанной тем или иным лингвокультурным сообществом.

Несомненно, что моделирование концептосферы повседневности должно осуществляться на основе *параметров*, соразмерных человеку и человеческой жизни. К числу важнейших параметров дифференциации культур и культурных контекстов относится *временная ось*, на которой особое место в рамках человеческой жизни занимают такие отрезки, как семья, школа, работа. Следующим важным параметром дифференциации опыта и знания является *пространственная ось*, следовательно, в состав национальной концептосферы повседневности должны войти концепты ДОМ, РОССИЯ, МИР, которые отражают пространственное освоение культуры человеком. Кроме того, каждая культура вырабатывает и закрепляет определенный *тип отношений*, складывающийся между людьми, а также между различными социальными и профессиональными группами. На этом основании в концептосферу повседневности должны быть включены концепты СЕМЬЯ, ДРУЗЬЯ, ЧУЖИЕ как отражающие базовые взаимоотношения людей, складывающиеся на уровне повседневной культуры. Учитывая большую роль и значимость первичных потребностей, таких как пища, одежда, жилище, без которых человек не может существовать ни физически, ни социально, в модель повседневности должны войти такие концепты, как ДОМ, ЕДА, ОДЕЖДА. Таким образом, с учетом выделенных параметров культуры (время, пространство, отношения, витальные потребности) модель концептосферы повседневности можно представить следующим образом:

1. Временная ось: СЕМЬЯ, ШКОЛА, РАБОТА;
2. Пространственная ось: ДОМ, РОДИНА, МИР;
3. Ось взаимоотношений: СЕМЬЯ, ДРУЗЬЯ, ЧУЖИЕ;
4. Ось витальных ценностей: ДОМ/ЖИЛИЩЕ, ОДЕЖДА, ЕДА.

Как видим, концепты ДОМ и СЕМЬЯ находятся на пересечении нескольких осей, что подтверждает их статус как базовых фрагментов знания и опыта.

Компаративный подход к изучению концептосферы повседневности позволит выделить общие и специфические черты в осмыслении повседневного опыта носителями разных языков и культур. При этом комплексное исследование этнокультурной специфики обыденного знания предполагает проведение исследования на двух уровнях: *структурном и процессуальном*. Подобный подход позволит сравнить в разных культурах не только результаты познания, но также те процессы и механизмы, которые протекают в сознании носителей языка, но скрыты от непосредственного наблюдения. Только при таком подходе можно уточнить роль языка и культуры в сугубо человеческой деятельности – деятельности познания.

Проведение сравнительных исследований фрагментов обыденного знания с охватом структурного и динамического аспектов потребовало поиска адекватных приемов и методов исследования. Вслед за А. А. Залевской мы полагаем, что с помощью слова можно проникнуть в модели мира, выявить содержание и структуру культурного знания, поскольку через слово происходит овладение опытом предшествующих поколений, становление индивида как члена определенного социума, слово – это *средство доступа к информационной базе* человека [10, 425].

Слово как бы «высвечивает» определенный *условно-дискретный фрагмент «индивидуальной картины мира* во всем богатстве связей и отношений». При этом «актуализация отдельного наиболее рельефного признака объекта неизбежно сопровождается подсознательным учетом и других характеристик этого объекта» [10, 434].

С целью реконструкции структурных и процессуальных аспектов знания нами была модифицирована как методика проведения ассоциативных экспериментов, так и методы и приемы обработки полученных результатов (ср.: [10, 199; 28, 200]). Так, участникам эксперимента было предложено дать в письменной форме по *пять* ассоциативных реакций на слово-стимул на родном языке, что позволило нам получить более подробные и развернутые опоры экспликации обыденного знания, позволяющие представить концептуальное знание в единстве существенных и несущественных признаков.

Ассоциативные эксперименты были проведены в России и Франции с 2001 по 2010 г., в них участвовало 400 человек в возрасте от 15 до 60 лет. Это нам позволило собрать и обработать свыше 19 000 ассоциативных реакций. В качестве слов-стимулов послужили следующие наименования: *famille/семья, maison/дом, nourriture/еда, travail/работа, les amis/друзья, vêtement/одежда, école/школа, un étranger/иностранец, France/Франция, Russie/Россия* [15; 19].

Компаративный подход к изучению фрагментов обыденного знания в единстве *содержательных и процедурных* аспектов потребовал разработки и применения *двухуровневой* методики анализа поля, т. е. анализ результатов ассоциативного эксперимента осуществлялся в два этапа [см.: 16, 113–119].

На первом этапе с целью исследования структурных особенностей концептов повседневности были использованы следующие процедуры:

а) реконструкция глубинных смысловых связей между словом-стимулом и ассоциатами одноименных ассоциативных полей, полученных от двух групп испытуемых; выделение набора *базовых предикатов* и *базовых пропозиций*, позволяющих описать все богатство смысловых связей, порождаемых в рамках ассоциативного поля;

б) классификация всех ассоциатов поля в соответствии с выделенным набором базовых пропозиций и выделение на этой основе *когнитивных слоев*;

в) ранжирование когнитивных слоев в соответствии с количественными параметрами и моделирование *когнитивной структуры концепта*;

г) сравнительный анализ структуры концепта в двух культурах.

На втором этапе свою главную задачу мы видели в том, чтобы реконструировать операции обработки информации через призму обыденного сознания россиян и французов. С этой целью нами были использованы следующие операции:

а) моделирование *базовых и частных когнитивных схем*;

б) реконструкция *операций идентификации и вербализации* повседневного опыта; моделирование на этой основе динамических моделей обработки информации;

г) выделение *когнитивных стратегий* в обыденном сознании россиян и французов;

в) сравнительный анализ когнитивных процессов обработки информации в сфере обыденного сознания россиян и французов.

Комплексное сравнительное исследование концептов повседневной культуры по вышеизложенной методике позволило констатировать, что этнокультурная специфика обыденного знания у россиян и французов формируется как на уровне структуры, так и механизмов обработки информации. Так, прежде всего в процессе анализа были выявлены существенные различия качественного и количественного характера в содержании и структуре обыденных представлений, что проявляется в особой архитектуре концептуального знания, в наличии/отсутствии культурно-специфических слоев ментального знания.

Этнокультурная специфика когнитивных механизмов в сфере обыденного сознания может быть представлена с помощью следующих оппозиций: эмоциональность – рациональность, аналитизм – синтетизм, расчлененность – образность, что свидетельствует об огромной роли языка в формировании этнокультурной специфики обыденного знания.

Проведенное исследование показало, что этнокультурная специфика обыденного знания складывается на разных уровнях обработки информации, поскольку процесс познания разворачивается как многофакторный и многоуровневый процесс, что предполагает наличие целостной многоуровневой системы ее переработки.

-
1. *Ажеж К.* Человек говорящий: Клад лингвистики в гуманитарные науки / пер. с фр. М.: Едиториал, УРСС, 2003. 304 с.
 2. *Алефиренко Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 416 с.
 3. *Андреева Г. М.* Психология социального познания: учебн. пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
 4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
 5. *Брунер Дж.* Психология познания: за пределами непосредственной информации / пер. с англ. К. И. Бабицкого. М.: Прогресс, 1977. 412 с.
 6. *Выготский Л. С.* История развития высших психических функций // Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. 368 с.
 7. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: основы философ. герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
 8. *Ерасов Б. С.* Социальная культурология: пособие для студентов вузов: в 2 ч. М.: Аспект-пресс, 1994. Ч. 2. 238 с.
 9. *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. 382 с.
 10. *Залевская А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

11. *Залевская А. А.* Некоторые перспективные направления психолингвистических исследований // Языковое сознание: парадигмы исследования: сборник статей / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.–Калуга: ИП Кошелев А. Б. (Изда-во «Эйдос»), 2007. С. 24–39.
12. *Кожевников С. Б.* Аксиология повседневности: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. 246 с.
13. *Кравченко А. В.* Является ли язык репрезентативной системой?// *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание. М.: Гнозис, 2006. С.135–156.
14. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
15. *Курганова Н. И.* Межкультурный диалог как способ освоения культуры: монография. Мурманск: МГПУ, 2007. 312 с.
16. *Курганова Н. И.* Исследование этнокультурной специфики обыденного знания через призму ассоциативных полей // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. Вып. 15. С. 113–119.
17. *Курганова Н. И.* Проблема исследования коллективного знания в когнитивной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 18–26.
18. *Курганова Н. И.* Образ мира с позиций этнопсихолингвистики // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010б. № 1 (Т. 5). Серия «Филология». С. 64–74.
19. *Курганова Н. И.* К обоснованию динамической модели знания // Вестник Тверского гос. ун-та. 2010. № 15 . Серия «Филология». Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. С. 51–62.
20. *Лурье С. В.* Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Академический проект: Альма Матер, 2005. 624 с.
21. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
22. *Найссер У.* Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии / пер. с англ. М.: Прогресс, 1981. 230 с.
23. *Пищальникова В. А.* История и теория психолингвистики: курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М.: Московский гос. лингв. ун-т, 2007. 200 с.
24. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. I. 488 с.
25. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.
26. *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1981. 446 с.
27. *Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии.* Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. 314 с.
28. *Языковое сознание: формирование и функционирование: сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева.* 2-е изд. М.: РАН ИЯ, 2000. 256 с.

Статья поступила в редакцию 16.11.2010 г.